

ФЕНОМЕН ЛАКУНИЗАЦИИ И ДЕЛАКУНИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СИЛЕНЦИАЛЬНЫХ ЗНАКОВ)

Анохина Т.А.
НПУ им. М.П. Драгоманова (г. Киев)

Изучение взаимосвязи вербальной и невербальной коммуникации является одним из актуальных направлений современной лингвистики, что эксплицируется постоянно растущим интересом к междисциплинарным исследованиям, переосмыслением традиционных лексико-грамматических и структурологических исследований языковой системы и обращением научного интереса к речевым и невербальным элементам с позиций коммуникативной лингвистики, прагматики и лингвосомиотики.

Объектом данной статьи являются лакуны в англоязычных и русскоязычных дискурсах, *предметом* – их лингвокогнитивные параметры, целью работы – создание базовой рабочей методологии изучения лакун, процессы генерации и элиминации.

Исходной процедурой анализа как абстрактных, так и предметных понятий-лакун, является процесс выделения их активного и пассивного значения путем парадигматического анализа словарных статей – этимологических, толковых и переводческих. В ее основу положены общая послойная модель диахронических-синхронических анализа лексических номинаций, учитывая их выходные этимологические данные, послойный сравнительный анализ внутренней формы конгломерата, его буквального значения, а также анализ ядерной и периферийных зоны.

Интерпретационную лакуну может сформировать потенциальная амбивалентность информации в тексте-оригинале, что затрудняет перевод. Весомым методологическим шагом для анализа лакун-предметов и лакун-явлений абстрактной сферы является дискурсивный анализ.

Стратегической вехой анализа предметных и абстрактных лакун вслед за анализом этимологических, толковых и переводческих словарных статей, является описание их слоя по прямому и переносному (метафоризированному) значению в тексте оригинала и тексте транслятора.

Дискурсивный анализ предполагает полевой метод выявления лакун. В качестве синонима «лакунарная подсистема» мы употребляем термин «поле». Ср.: *«Поле — совокупность содержательных единиц, покрывающая определенную область человеческого опыта и образующая более или менее автономную микросистему»* [1:26]. Лакун формируют поле категории отсутствия (лексико-семантическое поле категории отсутствия, функционально-семантическое поле категории отсутствия).

В парадигме метазнаков упоминаются абстрактные и предметно-понятийные лакуны. Поскольку русский язык не характеризуется чрезмерной полисемией на фоне английского языка, то лакунарным, в последнем представляется англоязычный лексический уровень номинаций предметов и абстрактных понятий.

Лексемы технической терминологической зоны тяготеют в сравниваемых языках к моделям полисемии, что также приводит к выявлению лакун в одноименном дискурсе. Амбивалентный микроконтекст с конситуативной нагрузкой может мешать максимальному приближению переводимого текста к тексту-источнику.

Парадигматика предметных лакун (языковые лакуны предметного мира) исследуются лингвистами Благовещенской школы лакунологии. Лакуны абстрактных понятий, а в частности лакуны МОЛЧАНИЯ не нашли достаточного освещения в отечественном языкознании.

Расширение парадигмы метазнаков для обозначения молчания объективируется растущим интересом лингвистов к проблемам межъязыковой интеракции языковых единиц, с одной стороны, и валоративностью поисков их осмысления, с другой. Объект исследования – социо-культурная лакуна молчания, осмысливается контрастивно в русле толкования его метазнаков, адгерентных понятий, на базе эмпирического материала англоязычного и русскоязычного художественных дискурсов, опыта ученых по релевантным вопросам.

Таксономия лакун включает ряд обозначений: предметные, абстрактные, номинативная, стилистические, родовые, видовые, межъязыковые, внутриязыковые [10:205-223], абсолютные, относительные, графические, лексические, грамматические, вербальные [7], межъязыковые, внутриязыковые [8: 6-16], тактические, стратегические [2:47-49].

Невербальные лакунарные феномены коррелируют с одноименными средствами общения, интегрируются с релевантными единицами вербального корпуса. Знаковость невербальных маркеров семиотического бытия предполагает транспозицию первичных лексико-семантических образований во вторичные единицы. Внутриязыковые выходные лакуны стимулируют компенсаторные возможности вторичных переводимых лексико-семантических образований.

«Немотивированные», неосмысленные до конца лакуны создают межъязыковые трудности общения. Осмысление семиотических лакун молчания происходит на векторах их формальной, содержательной и прагматической мотивированности, а это способствует идентификации критериев таксономии объекта, его научного толкования.

Внутреннеречевые лакуны (пустые, незаполненные места) оязыковываются с помощью дескриптивных единиц, потенциальных синонимов, антонимов – номинаций адгерентных до скрытых информационных блоков. Предметные лакуны свидетельствуют об отсутствии референта в наивной картине мира, абстрактные – о ментафактах, глубинных информационных пробелах. Метазнак лакуна является действенным в терминологических гуманитарных (1) и негуманитарных (2) системах: музыкальной, юридической, психологической, медицинской, лингвистической и др., ср.:

- 1) англ. *Lacuna (linguistics), a lexical gap in a language*, рус. лакуна (в лингвистике), лексический пробел в языке; англ. *Lacuna model, a tool for unlocking culture differences or missing*

- "gaps" in text, рус. лакуна, инструмент для нивелирования культурных различий или "пробелов" в тексте;
- 2) англ. *Lacuna (law)*, the lack of a law or legal source addressing a situation; рус. Лакуна (в юридической науке), отсутствие права или законного источника при решении определенной ситуации; англ. *Lacuna (histology)*, a small space containing an osteocyte in bone or chondrocyte in cartilage; рус. лакуна (в гистологии), небольшое пространство, содержащее остеоциты в костной клетке или хондроцит.

Среди метазнаков выделяются номинации для обозначения культурологических и силенциальных лакун, распознаванием которых способствует комплексный триединый анализ их среды, режима и радиовещания. В парадигме номинаций концепта молчания базовыми являются метзнаки: англ. *silence, pause, hesitation, silence effect, semantic lacuna, empty space*, рус. молчание, тишина, колебания, семантическая лакуна, пустота.

Культурологическая парадигма невербальной семиотики, включая молчание, требует концептуального анализа имплицитных блоков, лакунарных структур, их лексико-графической экстериоризации. Осмысление семантического дизайна маркеров молчания в внутриязыковых и межъязыковых уровнях является весьма валоративным для результативности методологических основ, объективации прагматической параметризации изучаемого объекта.

Анализ когнитивной семантики базовых метазнаков молчания на материале лексикографических источников считаем правомерным, учитывая их аутентичные экспликацию отмечаемого концепта [3:83]. Правомерным считаем обращение к иллюстративному материалу, что гарантирует комплексный подход к объекту исследования.

Феномен МОЛЧАНИЯ имеет свою историю исследования. В научной литературе актуализируются адгерентные знаки *сайлентология, силентика, сайлесный принцип, лингвистика молчания, стилистическое средство умолчания, паузация, хезитация* и т.д. В зарубежной терминосистеме появился отдельный термин для обозначения неучастия в беседе (от англ. *inattentiveness to the communication*) [9: 124-132]. В рамках сайлентологии значимым является изучение взаимосвязи вербальных и невербальных аспектов коммуникации, определение статуса молчания, его функциональной нагрузки и экстериоризации.

Полиаспектность МОЛЧАНИЯ является мотивированной, говорящей у метазнаках: *подтекст, затекст* (литературоведение), *инференции, импликация, прессупозиция, имплицитная информация* (логическая семантика), *аллюзия, апосиопезис/ апосиопеза, афазия* (полная или частичная потеря речи), *вербальная парафазы* (нейропсихология / логопедия), *перифраз* (стилистика), *имплицитный смысл, косвенное информирование, косвенный речевой акт* (лингвистика) и другие. Выготский Л.С. и Лурия А.Р., изучая различные речевые коды, рассматривали феномен молчания с филологической точки зрения, искали методологические подходы для преодоления речевых недостатков [5]. Лингвистические исследования

коммуникативного молчания свидетельствуют о том, что последнее интрепретируется как иллокутивный акт с нулевой пресуппозицией [2: 47; 4].

В устном общении хеджинговое-молчание обусловливается состоянием интерллокутора, его размышлением, поисками слов, волнением, нервным стрессом, удивлением и т.д. Умолчание – это не совсем нулевой знак. Здесь срабатывает подтекст, импликация, пресуппозиция, это не безгласное молчание, а неопределенность, нежелание называть реальные референты. Общим для молчания и умолчания является «отсутствие голоса», «безмолвие».

Индивидуально-психологическое молчание номинируется в английском языке метазнаками *silence, quiet, calm* или единицами с одноименными семами. Семантическое наполнение указанных лексем обозначено частичной эквивалентностью (E). Так, E (*silent – quiet*) = 0,4; E (*silent – calm*) = 0,2. *Silence* включает *quiet* по семантическому показателю «тишина», «молчание»; *silent* коррелирует с *calm* за наличием сем «тихий», «бесшумный».

Социально-культурное нагрузки номинаций «молчание / тишина» является прозрачным, канонизированным правилам невербального поведения. Ср: англ. *Silence gives consent; first think - then say; speech is silver – silence is gold*; рус. *Не молчание бывает скучно, а пустая болтовня; не стыдно молчать, когда нечего сказать*.

«Молчание» и «тишина» отличаются не только контекстуальным окружением, но и функциональной нагрузкой. Тишина – это чисто природное категория (*nature silence*) с присущим ей субъектным значением [4: 28]. В английском языке слова *silence* и *silent* являются коммуникативно заряженными и обозначены предикативностью (*to be silent, to pause, to be mute, to keep quiet*), агентивным значением (*breaking silence, to be mute, to keep quiet*).

Перспективным является исследование силенциального эффекта в русле лакунарности, категории отсутствия, идентификации вербальной и невербальной коммуникации, на междисциплинарных просторах разноязычных дискурсов.

Литература:

1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1991. – 140 с.
2. Безуглая Л.Р. Значимое молчание в системе прагматической импликации // Вісник ХНУ. – Х.: ХНУ, 2004. – Вип.№636. – С.47-49.
3. Бессонова О.Л. Оценочный тезаурус английского языка: общая характеристика // Вісник Харківського національного університету ім.. В.Н. Каразіна. – Х.:Константа, 2003. – №586. – С.14-17.
4. Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. Номо Тасенс. – Сп.: РХГИ, 1997. – 352.
5. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.:Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.
6. Рудик І.М. Реактивне мовчання у діалогічній єдності питання – відповідь // Вісник Харківського національного університету ім.. В.Н.Каразіна. – Х.:Константа, 2003. - №611. – С.144-146.

7. Липатова Ю. Ю. Лакуны в русском языке: диахроническое исследование на материале разновременных переводов английской литературы сер. XIX-XX вв.: диахроническое исследование на материале разновременных переводов английской литературы сер. XIX-XX вв.: дис. ... канд. филол. наук – Чебоксары, 2005. – 159 с.
8. Матханова И. П., Трипольская Т. А. Лакунарность в системе эмотивных средств русского языка (языковая интерпретация эмоции удивления) // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: изд-во НГПУ, 2009. – С. 6-16.
9. Махонина А.А. Проблема описания лексической лакунарности: На материале русско-английских субстантивных лакун: дис. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2006. – 191 с.
10. Стернин И.А., Попова З.Д., Стернина М.А. Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи. Сб. науч. тр. ИЯ РАН, БГПУ / Под ред. проф. Ю. А. Сорокина, проф. Г. В. Быковой. – Благовещенск: БГПУ, 2003. – С. 205-223.
11. Jensen J.V. Communicative Functions of Silence // DeVito J.A. Communication: Concepts and Processes. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1976. – P. 124-132.
12. Theroux, Paul. O-ZONE. – London: Penguin Books, 1986. – 547 p.
13. Watkins, Kawashima, Yoko. So Far From Bamboo Grove. – New York: A Beach Tree Paperback Book, 1994. – 183 p.